

September 2009

СКОТТ АНДЕРСОН

Никто не осмелится назвать это тайным заговором

Десять лет назад в этом месяце Россию потрясла серия загадочных взрывов жилых домов, в которых погибли сотни людей. За ними последовала волна страха и паники, которая привела тогда почти неизвестного Владимира Путина на вершину власти в стране. Но после взрывов появились сомнения, а также странные улики, свидетельствующие, что их устроили люди, может быть, работавшие на правительство. В последующие годы те, кто подвергал сомнению официальную версию событий, один за другим умолкли или скончались. За исключением одного. Скотт Андерсон нашел его.

Первое взорванное здание было казармой в Буйнакске, в которой проживали российские солдаты и их семьи. Это было ничем не примечательное пятиэтажное здание на окраине, и когда около него поздней ночью 4 сентября 1999 года взорвалась огромная бомба в грузовике, этажи провалились друг в друга, превратив здание в груды горящих обломков. Под развалинами были погребены тела 64 человек - мужчин, женщин и детей.

13 сентября прошлого года я покинул до рассвета гостиницу в центре Москвы и поехал в рабочий район на южном крае города.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как я был в русской столице. Повсюду виднелись новые здания из стекла и стали, горизонт пестрел строительными кранами, и даже в четыре часа ночи шумные казино вокруг Пушкинской площади работали вовсю, а Тверская была забита джипами и BMW новейших моделей. Все, что я видел по дороге, демонстрировало колоссальные изменения, которые произошли в России, чья экономика была разогнана притоком нефтедолларов, за девять лет после прихода к власти Владимира Путина.

Но этим утром я ехал в "старую" Москву, в небольшой парк, где когда-то стояло грязноватое девятиэтажное жилое здание, известное как дом 6/3 по Каширскому шоссе. В 5:03 утра 13-го сентября 1999 года (ровно за девять лет до моего визита) дом 6/3 по Каширскому шоссе был взорван бомбой, спрятанной в подвале. 121 жилец этого здания погиб во сне. Этот взрыв, произошедший через девять дней после взрыва в Буйнакске, стал третьим. Всего в том сентябре взрывов жилых домов в России было четыре за двенадцать дней. Во взрывах погибло около 300 человек, и страна погрузилась в панику. До терактов 11 сентября они были одними из самых масштабных терактов в мире. Обвиняя во взрывах террористов из Чечни, новый премьер-министр России Владимир Путин приказал вторгнуться в мятежную республику, используя тактику «выжженной земли». Благодаря успеху этого вторжения неизвестный до того Путин стал национальным героем, быстро захватив полную власть в российском государстве. Эта власть остается у него и по сей день.

На месте дома 6/3 по Каширскому шоссе теперь были разбиты аккуратные клумбы. Они окружали каменный монумент, на котором были выбиты имена погибших и стоял православный крест. В девятую годовщину взрыва там собрались три-четыре местных журналиста, за которыми следили пара милиционеров из стоящей недалеко машине – впрочем, делать никому из них было нечего. Вскоре после пяти часов группа из пары дюжин людей – в основном молодых, скорее всего родственники погибших – в спешке подошла поставить свечи и возложить на монумент красные гвоздики и так же быстро отошла. Кроме них, тем утром там появились только двое пожилых мужчин, бывшие свидетелями взрыва; они произнесли в телекамеры, что это было ужасно, просто шок.

Я заметил, что один из стариков, встав перед памятником, расчувствовался, постоянно вытирая слезы. Несколько раз он поворачивался и начинал целеустремленно шагать, как будто пытаюсь покинуть это место, но у него ничего не выходило. Каждый раз он замедлялся у деревьев на краю парка и потом все равно медленно возвращался к памятнику. В конце концов я подошел к нему.

"Я здесь недалеко жил," - сказал он, - "и меня разбудил шум. Я примчался и..." Крупный мужчина, бывший моряк, он беспомощно развел руки над клумбами. "Ничего. Ничего. Вытащили мальчика и его собаку. И все. Все остальные уже были мертвы."

Но старик оказался более тесно причастен к трагедии. Его дочь, зять, и внук жили в доме 6/3 по Каширскому шоссе, и все они тоже погибли в то утро. Подведя меня к памятнику, он показал их имена на камне, в отчаянии утирая слезы. Затем он сердито прошептал: "Говорят, что виноваты чеченцы, но это ложь. Это были люди Путина. Всем это известно. Никто не хочет говорить об этом, но все это знают."

Это загадка, на которой основано современное российское государство, загадка, не разрешенная до сих пор. Что произошло во время ужасных событий сентября 1999 года? Нашла ли Россия своего ангела-мстителя в лице Путина, классического решительного человека, который сокрушил врагов страны и вывел народ из кризиса? Или же кризис был сфабрикован в угоду Путину как успешный план российских спецслужб по приведению к власти одного из своих? Этот вопрос важен потому, что если бы не случилось сентябрьских взрывов и всего, что за ними последовало, трудно представить себе, как бы Путин мог занять свое теперешнее положение: крупный игрок на мировой арене и глава одной из самых сильных стран в мире.

Непонятно, почему так мало людей вне России хотят узнать ответ на этот вопрос. Считается, что несколько спецслужб расследовали эти взрывы, но ни одна из них не обнародовала выводы. Среди американских законодателей взрывами мало кто интересовался. В 2003 году Джон Маккейн заявил Конгрессу, что "до сих пор остаются заслуживающие доверия свидетельства того, что ФСБ приложило к атакам руку." Но помимо этого ни американское правительство, ни американские СМИ не удосужились вникнуть в суть дела.

Это кажущееся отсутствие интереса распространяется теперь и в России. Сразу после взрывов многие россияне публично подвергали сомнению официальную версию событий. Эти голоса замолкли один за другим. В последние несколько лет многие из журналистов, расследовавших эти происшествия, были убиты (или умерли при подозрительных обстоятельствах). Та же судьба постигла и двоих членов парламентской комиссии по расследованию. Тем временем создается впечатление, что почти все, чья версия отличается от официальной, теперь или отказываются говорить, или отреклись от своих прежних заявлений, или мертвы.

Во время моего пребывания в России в прошлом сентябре я попытался поговорить с принимавшими участие в поиске ответов журналистами, юристами, расследователями по правами человека. Многие наотрез отказались говорить со мной. Другие неохотно соглашались, но в основном ограничивались перечислением известных нестыковок в деле; если я настаивал, они допускали только, что проблема остается "спорной". Даже в случае со

стариком из парка на Каширском шоссе я столкнулся с удручающей атмосферой, окружающей эту тему. Хотя он с готовностью согласился еще раз встретиться и познакомить меня с семьями других жертв, не доверявших официальной версии событий, потом он передумал.

"Не могу," - сказал он, когда перезвонил мне через несколько дней. - "Я поговорил с женой и шефом, и оба сказали, что если я встречу с вами, мне конец."

Я хотел узнать, что он имел в виду, когда сказал "конец", но старый моряк уже повесил трубку. Без сомнения, частично его осторожность можно понять – вспомните только участь человека, для которого подтверждение конспирации о взрывах стало личной миссией: Александра Литвиненко. Из лондонской ссылки бывший агент КГБ вел в прессе непрерывающуюся кампанию против путинского режима, обвиняя его в коррупции и всяческих преступлениях – но, самое главное, в том, что именно Путин организовал взрывы домов.

В ноябре 2006 года весь мир смотрел, не отрывая глаз, на драму, развязавшуюся, когда Литвиненко подбросили смертельную дозу радиоактивного полония – скорее всего, во время встречи с двумя агентами русских спецслужб в баре лондонской гостиницы. Через 23 мучительных дня Литвиненко умер от яда, но успел подписать заявление, в котором он недвусмысленно обвинял Путина в преступлении.

Но Литвиненко не работал с делом взрыва домов в одиночку. За несколько лет до смерти Литвиненко попросил другого экс-агента КГБ, бывшего следователя Михаила Трепашкина, помочь ему найти ответы на свои вопросы. В прошлом их судьбы сложным образом пересекались (в 90-х годах, один был предположительно послан убить другого), но в итоге именно Трепашкин, работая внутри России, обнаружил многие настораживающие факты этого дела.

Трепашкин тоже вызвал на себя гнев властей. В 2003 году его заключили на четыре года в запущенную уральскую тюрьму. Но к тому времени, как я приехал в Москву в прошлом году, он уже был на свободе.

Через посредника я узнал, что у Трепашкина две маленькие дочки и жена, категорически не желавшая, чтобы он встречал в политику. Узнав об этом, а так же приняв во внимание, что коллегу Трепашкина недавно убили, а его самого уперли в тюрьму, я ожидал, что мои попытки поговорить с ним будут так же безуспешны, как и разговоры с другими сомневающимися.

"О нет, он не будет молчать," - заверил меня посредник. - "Единственный способ остановить Трепашкина - это убить его."

9 сентября, через пять дней после взрыва в Буйнакске, террористы нанесли удар по Москве. Они взорвали жилой дом на улице Гурьянова, в рабочем районе города на юго-западе. Вместо грузовика устройство было спрятано на нижнем этаже дома, но результат был практически тем же - взрыв разрушил все восемь этажей и и убил 94 спящих жителей.

И именно после улицы Гурьянова началась всеобщая паника. Уже через несколько часов некоторые российские официальные лица начали недвусмысленно намекать, что виноваты чеченские террористы, и стране объявили повышенную боевую готовность. Тысячи полицейских отправились допрашивать - и в нескольких сотнях случаев, арестовывать – всех, проходящих на чеченцев, а жители многоэтажных домов по всей России организовывали патрули. Призывы к мести раздавались во всех политических кругах.

По просьбе Трепашкина, наша первая встреча состоялась в переполненном кафе в центре Москвы. Сначала появился один из его помощников, а потом, через двадцать минут, прибыл сам Трепашкин в сопровождении кого-то напоподобие телохранителя, мускулистого коротко остриженного молодого человека с непроницаемым взглядом.

Трепашкин оказался крепко сложен, хоть и невысок - он всю жизнь занимался всевозможными боевыми искусствами. Он был очень видным, несмотря на возраст в 51 год. Но наиболее всего привлекала внимание его никогда не исчезающая улыбка. Благодаря ей он немедленно располагал собеседника, вызывая к себе дружелюбие, хотя я мог себе представить, как в дни его работы в КГБ у сидящих с другой стороны стола для допросов из-за этой улыбки стыла кровь.

Несколько минут мы болтали о повседневных вещах – о необычно холодной стоявшей тогда московской погоде, об изменениях, которые я заметил со времени моего предыдущего визита, - и я чувствовал, что Трепашкин пытается вычислить меня, решая, как много можно мне открыть.

Потом он стал рассказывать мне о своей карьере в КГБ. Большую часть времени он расследовал контрабанду антиквариата. В то время он был абсолютно предан советской власти, особенно КГБ. Трепашкин был таким горячим сторонником Советского Союза, что он даже поддержал группу, которая пыталась предотвратить приход к власти Бориса Ельцина и сохранить советскую систему.

"Я видел, что это будет конец Советского Союза," – объяснял Трепашкин в кафе. - "Но пойдём дальше - что случится с КГБ, со всеми нами, для кого Комитет стал делом жизни? Я видел впереди только бедствия".

И эти бедствия пришли. Советский Союз распался, и Россия погрузилась в экономический и социальный хаос. Один из особо разрушительных аспектов этого хаоса связан с огромным количеством офицеров российского КГБ, которые неожиданно вошли в частный сектор. Одни открыли фирмы, или сами, или в сотрудничестве с той самой мафией, с которой они раньше боролись. Другие шли работать в качестве "советников" или охранников к новым олигархам или старым боссам из коммунистической партии, которые спешно хватили все, что имело ценность в России, расхваливая в то же время "демократические реформы" президента Бориса Ельцина.

Трепашкин наблюдал за всем этим с очень близкого расстояния. Оставшись в ФСБ (бывшем КГБ), следователь заметил, что отличать преступления от действий правительства становится всё труднее.

"В одном деле за другим," - сказал он, - "просматривался сговор. Мафия работали с террористическими группами, но потом след вдруг вел к какой-нибудь бизнес-группе или даже к государственному министерству. И тогда становилось непонятно - это до сих пор уголовное дело или же подпольная операция, имеющая официальную санкцию? И что же на самом деле значит "официальная санкция" – кто, в конце концов, у руля?"

Летом 1995 года Михаил Трепашкин начал работать над делом, которое навсегда поменяет его жизнь и приведет его к столкновению с высшими начальниками ФСБ; один из них, по утверждению Трепашкина, попытается его убить. Этот инцидент, как и многие другие, раскрывшие гниль пост-советской России, касался сепаратистской южной республики Чечня.

К декабрю 1995 года после целого года войны повстанцы, боровшиеся за независимость Чечни, завели российскую армию в тупик, кровавый и унижительный. Причиной этого были не только боевые действия. Еще со времен Советского Союза чеченская мафия контролировала большую часть российского криминалитета, поэтому когда и само российское общество криминализовалось, чеченским повстанцам это было только на руку. Они воевали против российской армии современным оружием, которое всегда можно было получить, просто дав взятку

коррупцированным российским офицерам. Деньги же шли от чеченских преступных группировок, оперировавших по всей стране.

Насколько далеко зашел этот всем удобный сговор? Трепашкин узнал ответ ночью 1 декабря, когда группа офицеров ФСБ захватила московский офис банка «Сольди».

Этот налет был последним звеном сложной операции, которую возглавлял, среди прочих, и Трепашкин. Она должно было наконец-то сокрушить печально известную группировку банковских вымогателей, связанных с чеченским лидером Салманом Радиевым. Налет прошел с огромным успехом: в сеть «Сольди» были пойманы более двадцати бандитов, в том числе два офицера ФСБ и генерал российской армии.

Но внутри банка ФСБ-шники нашли что-то странное. Готовясь к засадам, бандиты поставили по всему зданию прослушивающие жучки, подсоединив их к стоящей снаружи машине. Как выяснилось, система была несовершенной, но тем не менее возникал вопрос: откуда у этой банды могло быть такое оборудование?

"У всех подобных устройств есть серийные номера", - объяснял Трепашкин, сидя в московском кафе, - "поэтому мы пробили их по системе и обнаружили, что все они родом или из ФСБ, или из Министерства Обороны."

Это было чрезвычайно важно, так как доступ к такому оборудованию был строго ограничен. Получалось, что высокопоставленные офицеры спецслужб и армии были в сговоре не просто с бандитской группировкой, а с группировкой, которая создавалась в целях финансирования войны против России. По стандартам любого государства это уже была не коррупция, а измена.

Но как только Трепашкин начал расследование, глава отдела внутренней безопасности Николай Патрушев снял его с дела банка «Сольди». К тому же ни одному российскому офицеру не было предъявлено обвинения, и почти все пойманные в банке люди были вскоре втихую отпущены. Зато Патрушев приказал завести дело против Трепашкина. Оно продлилось почти два года, и под конец Трепашкин не выдержал. В мае 1997 года он написал открытое письмо президенту Ельцину, подробно описав свою роль в расследовании и обвинив большинство начальников ФСБ во множестве преступлений, включающих сотрудничество с мафией и даже принятие бандитов в ряды ФСБ.

"Я думал, что если бы президент узнал о том, что происходит", - сказал Трепашкин, - "то он бы что-нибудь сделал. Это было ошибкой с моей стороны".

О да. Как оказалось, Борис Ельцин сам был невероятно коррумпирован, а письмо открыло глаза ФСБ-шников на недовольного в их рядах. Через месяц Трепашкин добровольно ушел с работы, не выдержав, по его словам, давления со стороны коллег и начальства. Но это не значило, что он собирался тихо исчезнуть. Тем же летом он подал в суд на руководство ФСБ и стал слать жалобы, которые доходили даже до самого директора ФСБ. Казалось, что следователь все еще верил в то, что честь Конторы можно восстановить, что некто, доселе неизвестный, выйдет из тени и потребует реформы. Однако его настойчивость только еще сильнее убедила часть руководства ФСБ, что настало время решить его проблему раз и навсегда. Одним из первых они обратились к Александру Литвиненко.

На первый взгляд Литвиненко казался как раз тем, кто нужен. Вернувшись в Москву после контр-террористической оперативной работы на кровавом Чеченском фронте, он был переведен в новый строго засекреченный отдел ФСБ под названием «Управление по разработке и пресечению деятельности преступных организаций» (УРПО). Литвиненко еще не знал, что отдел создавался как группа киллеров. В книге "Смерть Диссидента", написанной Алексом Голдфарбом и вдовой Литвиненко Мариной, Литвиненко описывает встречу с начальником УРПО в октябре 1997: "Есть такой Михаил Трепашкин. Это твой новый объект. Возьми его дело и ознакомься."

Прочитав дело, Литвиненко узнал о работе следователя по банк «Сольдди», а также о его иске против руководства ФСБ. Он не мог понять, что же именно он должен был делать с Трепашкиным.

"Ну, здесь ситуация тонкая", - цитирует Литвиненко своего начальника. - "Ты же знаешь, что он подал в суд на нашего директора и дает об этом интервью. Мы должны его заткнуть, это приказал сам директор."

Вскоре, как утверждает Литвиненко, список его целей увеличился и включил в себя Бориса Березовского, олигарха и влиятельного кремлевского персонажа, которого кто-то могущественный теперь хотел уничтожить. Литвиненко тянул время, придумывая одно за другим причины, по которым он все никак не мог выполнить приказ на убийство.

По утверждению Трепашкина, за это время были совершены по крайней мере две попытки убить его: провалившаяся засада на пустынной московской автостраде, а также снайпер на крыше, которому не удалось выбрать нужную позицию. В других случаях, говорит он, его предупреждали друзья, все еще работавшие в Конторе.

В ноябре 1998 года предполагаемый заказ ФСБ на Трепашкина и Березовского был сенсационно обнародован, когда Литвиненко и четыре сотрудника УРПО создали пресс-конференцию в Москве и рассказали об убийствах, которые им приказали совершить. Там же присутствовал и Михаил Трепашкин.

Но на этом дело, казалось бы, подошло к концу без особых последствий. Литвиненко, глава офицеров-диссидентов, был уволен, но более никак не наказан. А Трепашкин вопреки всем прогнозам выиграл свой иск против ФСБ, женился во второй раз и получил работу в налоговой полиции. По его словам, он решил тихо отслужить свой срок и потом уйти в пенсию.

Однако в сентябре 1999 года взрыв жилых домов потрясет политические основы России. Эти взрывы также заставят Трепашкина и Литвиненко вернуться в их мир плаща и кинжала, на этот раз с общей целью.

Во время массовой истерики, которая разразилась в Москве после взрыва на улице Гурьянова ранним утром 13 сентября 1999 года, властей предупредили о подозрительной активности в жилом доме на окраине города. Не найдя ничего необычного, службы безопасности закончили осмотр дома 6/3 по Каширскому шоссе около 2 утра и уехали. В 5:03 утра девятиэтажное здание было разрушено огромной бомбой, убив 121 мирного жителя.

3 дня спустя целью стало жилое здание в Волгодонске, городке к югу от Москвы. На этот раз бомба была в грузовике, и погибло еще семнадцать человек.

В московском кафе Трепашкин стал нехарактерно угрюмен, засмотревшись вдаль.

«Просто невероятно», - сказал он наконец. - «Это была моя первая мысль. Страна в панике, патрули граждан задерживают неизвестных на улице, везде есть полицейские блокпосты. Так как же эти террористы бродят так свободно, что у них есть время устроить и привести в исполнение такие сложные теракты?»

Еще один аспект, в котором сомневался Трепашкин, был вопросом мотива.

«Обычно это очень легко найти мотив» объяснил он «или деньги или ненависть или ревность, но что привело чеченцев к этим терактам? Очень мало людей думали об этом».

С одной точки зрения это, может быть, понятно. Антипатия к чеченцам сидит очень глубоко в русском обществе и стала еще глубже во время сепаратистской войны девяностых годов. Невыразимые злодеяния совершили обе стороны в течение этого конфликта, и чеченские повстанцы были готовы и к войне на территории России и к

действиям против мирных граждан . Но эта война окончилась в 1997 тем, что Борис Ельцин подписал договор, признавший автономию Чечни.

«Так что, зачем?» продолжал Трепашкин «Зачем хотели бы чеченцы спровоцировать российское государство, когда уже достигли всего, за что воевали?»

Кое-что еще мешало бывшему уголовному следователю: состав нового российского правительства.

В начале августа 1999 – за несколько недель до первого взрыва в Буйнакске – Президент Ельцин назначил своего третьего премьер-министра за период менее трех месяцев. Это был небольшой человек, без чувства юмора, почти неизвестный российской общественности, его звали Владимир Путин.

Он был так неизвестен, потому что, несколько лет назад, Путин был еще одним средним офицером КГБ/ФСБ, трудившимся незаметно. В 1996 Путину дали место в Управлении делами Президента - ключевое управление в аппарате Ельцина, которое дало Путину рычаги, с помощью которых он мог оказать или не оказать услуги инсайдерам в Кремле. Как видно, он хорошо использовал открывшиеся возможности: в течение трех следующих лет, Путина повысили до заместителя руководителя Администрации президента, а тогда до директора ФСБ, а теперь до премьер-министра.

Но, хотя Путин еще был малоизвестным общей публике в Сентябре 1999, Михаил Трепашкин уже был хорошо знакомым с ним. Когда скандал УРПО стал публичным, Путин был директором ФСБ и лично уволил Александра Литвиненко за то, что он привлек внимание общественности. «Я уволил Литвиненко, потому что офицеры ФСБ не должны устраивать пресс-конференции и не должны делать внутренние скандалы публичными.»

А в равной степени вызвало тревогу Трепашкина то, что наследником Путина на посту директора ФСБ стал Николай Патрушев. В должности начальника Управления собственной безопасности ФСБ, сам Патрушев освободил Трепашкина от обязанности следователя дела Банка Солди, и он был одним из тех правительственных чиновников, которые наиболее страстно доказывали чеченскую связь с взрывами жилых домов.

«Так что эта динамика была заметна» сказал Трепашкин «и было правительство, способствующее ей. За этим стоят чеченцы, так что теперь нам надо справиться с чеченцами»

Но тогда что-то очень странное произошло в спокойном провинциальном городе Рязань, находившимся в 120 милях на юго-востоке от Москвы.

Благодаря состоянию повышенной бдительности, царящему в стране, несколько жителей 14/16 Новоселовой ул. в Рязани заметили белый Жигули подъехавший к их дому вечером 22 сентября. Людей охватила паника, когда они увидели двух мужчин, которые вынесли несколько больших мешков из багажника машины и перенесли их в подвал после чего быстро уехали. Жители позвонили в милицию.

В подвале нашли три белых мешка весом около 50 килограмм каждый, подсоединенных к детонатору и взрывному таймеру. Пока милиция быстро эвакуировали всех из дома, позвонили местному эксперту ФСБ по взрывчатым веществам; он установил, что мешки содержали RDX - взрывчатое вещество достаточно мощное, чтобы снести целый дом. Выставили блокпосты на всех дорогах из Рязани, и началась огромная охота на Жигули и его водителей.

К следующему дню событие в Рязани стало известным по всей России. Премьер-министр Путин, поблагодарил жителей за проявленную бдительность, пока министр внутренних дел хвалил недавние улучшения в работе органов безопасности «как, например, предотвращение взрыва дома в Рязани».

Все так закончилось бы, может быть, только вот этот вечер двух из подозреваемых задержали. К удивлению местных властей оба предъявили удостоверения ФСБ. Вскоре позвонили из штаб-квартиры ФСБ в Москве и сказали, чтобы их освободили.

На следующее утро директор ФСБ Патрушев выступил по телевидению, чтобы сообщить совсем новую версию событий в Рязани.

Случай в 14/16 Новослевоу ул., объяснил он, не был неуспешным терактом, а скорее «тренировкой» ФСБ, чтобы проверить бдительность общества. Он заявил, что в мешках были не взрывчатые вещества, а обычный домашний сахар.

Противоречия в версии ФСБ были многочисленными. Как сопоставить утверждения штаб-квартиры ФСБ о мешках сахара с анализом местной ФСБ, который нашел RDX? Если была на самом деле тренировка, почему не сообщили местной ФСБ досрочно, или почему Патрушев сам не говорил об этом в течение тех полутора дней, пока ловили террористов? К тому же, почему взрывы в жилых домах сразу прекратились после Рязани? Если бы теракты были действительно устроенными чеченскими террористами, тогда, несомненно, унижение ФСБ в Рязани вдохновило бы их продолжать свои действия.

Но время таких вопросов уже истекло. Пока Премьер-министр Путин во время своего выступления вечером 23 сентября, хвалил жителей Рязани за бдительность, российские военные самолеты стали бомбить Грозный - столицу Чечни. Через несколько дней российские батальоны бронетехники вошли в Чечню, и Вторая чеченская война началась.

После этого события стали развиваться очень быстро. Во время новогоднего выступления 31 декабря 1999 Борис Ельцин потряс страну, заявив, что уходит с поста, и решение вступает в силу немедленно. Таким образом, Владимир Путин стал действующим президентом до того, что состоятся новые выборы. И вместо того, чтобы состоятся летом, как сначала было запланировано, выборы были назначены через десять недель. Конкурентам Путина осталось мало времени подготовиться.

В ответ на президентский опрос в августе 1999, Путин имел менее двух процентов голосов. В марте 2000, благодаря своей стратегии тотальной войны в Чечне увеличил свою популярность и был избран президентом с 53 процентами голосов. Правление Владимира Путина началось, и Россия никогда не будет такой как прежде.

На нашей следующей встрече, Трепашкин меня пригласил к себе домой. Это меня немного удивило - мне сказали что так безопаснее, Трепашкин редко приводит посетителей домой - но, по-моему, он считал, что все его враги все-таки знают, где он живет.

Это было достаточно приятно место, разве что спартанского вида, на первом этаже «многоэтажки», окруженной другими многоэтажными домами на севере Москвы. Трепашкин показал мне квартиру, и я заметил что единственным местом с намеком на беспорядок была маленькая комната заполненная бумагами - практически стеной шкаф - в которой он устроил рабочий кабинет. Одна из его дочерей была дома, она принесла нам чай.

С немного стесняющейся улыбкой, Трепашкин сообщил мне, что у него была еще одна причина, по которой он редко устраивал рабочие встречи дома - его жена. "Она хочет чтобы я перестал заниматься этими политическими вещами, но сегодня утром ее нет...". Улыбка сошла с его лица. "Это из-за рейдов. Вы знаете, они вламывались сюда" - он махнул рукой в сторону входной двери - "со своими автоматами, крича приказы; детей очень сильно испугали. Это очень повлияло на мою жену, она теперь постоянно боится, что это опять может произойти."

Первый из этих рейдов был в январе 2002. Поздно ночью, группа оперативников ФСБ ворвалась и устроила обыск, перевернув квартиру вверх дном. Трепашкин утверждает что тогда они ничего не нашли, и подбросили достаточно "доказательств" - несколько секретных документов из архивов ФСБ, несколько пуль - что позволило прокуратуре "повесить" на него три серьезных обвинения.

"Так они мне дали понять," объяснил он, "что они меня в покое не оставят пока я не "образумлюсь".

У Трепашкина было представление о том, что привлекло к нему внимание ФСБ: всего за несколько дней до этого рейда ему начал звонить человек, считавшийся режимом Путина одним из главных предателей России, Александр Литвиненко.

Служебное падение подполковника Литвиненко произошло быстро. После его пресс конференции в 1998, где он обвинил УРПО в организации покушений, он провел девять месяцев в тюрьме по обвинению в "злоупотреблении служебным положением", после чего ему пришлось уехать из России, когда прокуратура готовила ему очередное обвинение. С помощью ссыльного олигарха Бориса Березовского, Литвиненко удалось уехать и поселиться в Англии, где совместно с Березовским они решили предать огласке то, что они считали преступлениями Путинского режима. Их главной целью было выяснить правду о взрывах жилых домов.

"Вот поэтому он и звонил," объяснил Трепашкин. "Литвиненко, конечно, не мог приехать в Россию и ему нужен был, кто то здесь, чтобы помочь в расследовании."

Легче сказать, чем сделать - к Январю 2002, в России произошли большие перемены. За те два года, с момента когда Путин был избран президентом, еще недавно процветающая независимая пресса практически исчезла, а политическая оппозиция была постепенно выдвлена на обочину, потеряв всякое значение.

Одним из индикаторов этого похолодания стало переписывание самой подозрительной части официальной версии о взрывах - "тренировочном задании" ФСБ в Рязани. К 2002 начальник Рязанского отделения ФСБ, который руководил поиском "террористов", стал подтверждать официальную версию о тренировочном задании. Местный офицер ФСБ, эксперт по взрывотехнике, который клялся перед телевизионными камерами что в Рязанских мешках была настоящая взрывчатка, вдруг замолчал, а затем совсем пропал из вида. Даже жители ул Новоселова 14/16, некоторые из которых участвовали в съемке документального фильма через шесть месяцев после инцидента, в котором полностью отрицали версию ФСБ и настаивали, что бомба была настоящей, теперь отказывались об этом с кем либо разговаривать, разве что говоря, что возможно они все таки ошибались.

"Я сказал Литвиненко, что единственная возможность помочь, если бы я смог принять участие в расследовании в какой-то официальной должности", объяснил Трепашкин. "Если я просто начну копать сам по себе, меня очень быстро остановят."

Такая официальная должность была организована на встрече в офисе Бориса Березовского в Лондоне в начале Марта 2002. Один из присутствующих - депутат Государственной Думы Сергей Юшенков, взялся организовать независимую комиссию по расследованию взрывов и назначить Трепашкина одним из ее членов. На встрече также присутствовала Татьяна Морозова, 31, уехавшая из России и проживающая в Милуоки, штат Висконсин. Мать Морозовой погибла во взрыве на улице Гурьянова и по российским законам могла получить доступ к материалам официального расследования; поскольку Трепашкин недавно получил лицензию адвоката, было решено, что он будет официально представлять интересы Морозовой и попросит суд разрешить ему доступ к материалам ФСБ о взрыве на ул Гурьянова.

"Я согласился на оба эти предложения," сказал Трепашкин, "но вопрос был с чего начать. Большинство источников были ненадежными, а свидетельства людей менялись, поэтому моей первой задачей было получить доступ к результатам экспертиз".

Проше сказать, чем сделать, отличительной чертой официального расследования взрывов была своеобразная поспешность в очистке мест преступлений. Если, к примеру, Американцы потратили полгода на просеивание всех обломков Всемирного Торгового Центра после 11 Сентября, подходя к этому как к сбору вещественных доказательств с места преступления, Российские власти сравнивали с землей Гурьянова 19 спустя буквально несколько дней после взрыва и увезли все обломки на городскую свалку. Та небольшая часть вещественных доказательств, которая была собрана - и еще не известно была ли она вообще - была, скорее всего, заперта в хранилищах ФСБ.

То, что он обнаружил, не имело прямого отношения к взрывам, но Трепашкину удалось найти нечто интересное.

Одной из странностей всей этой истории было заявление спикера Думы Геннадия Селезнева, которое он сделал утром 13 Сентября, 1999. "Я только что получил информацию," он сказал депутатам. "Сегодня ночью был взорван жилой дом в городе Волгодонске."

Той ночью, действительно был взорван жилой дом, но Селезнев ошибся с городом; взрыв случился на Каширском шоссе 6/3 в Москве. Что поставило Спикера в затруднительное положение, когда три дня спустя в Волгодонске действительно произошел взрыв дома. По крайней мере один из депутатов Думы заподозрил неладное.

"Господин Спикер, объясните пожалуйста," задал вопрос Селезневу в Государственной Думе, "как вы в Понедельник узнали о взрыве, который случился в Четверг?"

Вместо ответа у задавшего вопрос, был немедленно отключен микрофон.

Это наводило на подозрения, что кто-то в ФСБ просто перепутал, в каком порядке взрывы должны были произойти и сообщил Селезневу "новости" в обратном порядке.

Потратив почти три года на поиски объяснения этого факта, Трепашкин заключил, что Селезнев получил ошибочное сообщение от офицера ФСБ, но он не хотел говорить, как ему удалось прийти к этому заключению.

Однако вместе с продвижением в расследовании, росла и опасность угрожающая Трепашкину. Один из присутствующих на встрече в Лондоне - правозащитник и помощник Березовского Алексей Гольдфарб почувствовал озабоченность этой угрозой и назначил с ним встречу в начале 2003 на Украине. Они никогда не встречались до этого, и после первой встречи у Гольдфарба осталось странное впечатление.

"Он один из самых странных людей которых мне приходилось встречать," вспоминает Гольдфарб. "Его не интересовали ни политические ни философские аспекты того чем он занимался. Для него это было просто расследование совершенного преступления. Я даже подумал "Может он сумасшедший? Неужели он не понимает, какая сила ему противостоит?". Но потом я решил для себя, что он просто очень честный милиционер - знаете вроде Серпики. Он просто делал то что считал правильным, вот и все." Все равно Гольдфарб чувствовал, что он должен, по крайней мере, предупредить Трепашкина о возрастающей угрозе, если власти решат его остановить. Но чем больше он напирал на это, тем упрямее становился Трепашкин.

"Он не хотел об этом слышать," вспоминает Гольдфарб. "Мне кажется, он все еще верил, в то что это борьба за реформу системы, а не в то что он теперь ей противостоял."

Однако получилось так, что первый удар системы пришелся не по нему. В апреле 2003, депутат Государственной Думы Сергей Юшенков, который назначил Трепашкина в свою комиссию по расследованию, был убит выстрелом прямо перед подъездом своего дома в Москве, на глазах у всех. Через три месяца, еще один участник комиссии умер при загадочных обстоятельствах. После этих двух смертей, независимое расследование было практически закрыто - что также означало Трепашкин теперь может рассчитывать в основном только на свои собственные силы. Тем не менее, действуя в качестве адвоката Татьяны Морозовой, он не сдавался - и в июле 2003 года, наконец, преуспел. Он наткнулся на очередную необъясненную деталь в деле, которую никакая «зачистка» не могла скрыть.

В течении нескольких часов после взрыва на Улице Гурьянова, ФСБ выпустила эскиз подозреваемого, по описанию управляющего дома. Но вскоре, и без всякого объяснения, этот эскиз заменили описание совершенно другого человека, которого давно опознали как Ачемеца Гочияева, небольшого бизнесмена из Черкессии, сразу сбежавшего и ушедшего в подполье. Весной 2002-го года, Александр Литвиненко и его напарник выследили Гочияева в отдалённом краю Грузии, где, через посредника, он упорно настаивал что ФСБ его подставила и он сбежал только потому что был уверен его убьют.

Личность человека на первом эскизе ещё больше заинтересовала Трепашкина, когда изучая объемное дело ФСБ о взрыве на Улице Гурьянова, он нигде не мог найти её копии. В конце концов он начал рассматривать архивы газет в надежде что одна из них напечатала этот эскиз до того как ФСБ успела остановить их распространение. И нашёл.

На рисунке был изображён мужчина 30 с чем-то лет, с квадратной челюстью, тёмными волосами и в очках. Трепашкин был уверен, что он его знал, и что он его даже арестовал 8 лет назад. Он полагал, что это было изображение Владимира Романовича, агента ФСБ который подобрал людей в состав автофургона с электронным наблюдением для банды Радуева во время грабежа банка Солди.

Изначальная мысль Трепашкина была найти Романовича и постараться убедить его раскрыть своё участие во взрывах домов. Это оказалось бесполезным. Насколько Трепашкин мог выяснить, Романович уехал из России на Кипр и летом 2000-го года, его сбила машина, которая быстро скрылась, Романович скончался.

Трепашкин затем нашёл изначальный источник эскиза – управляющего дома на Улице Гурьянова.

«Я показал ему эскиз Романовича,» сказал Трепашкин, сидя в своей гостиной, «и он мне сказал что тот был составлен правильно, точно как он описал его милиции. Но затем они отвезли его на Лубянку где они показали ему эскиз Гочияева и настаивали что это и был мужчина которого он видел.

С этим ошеломляющим известием, Трепашкин собирался удивить власти. ФСБ к этому времени уже давно опубликовало имена девяти человек, которые якобы были ответственны за взрывы в Москве и во Волгодонске. Они же были предлогом для новой войны с Чечнёй, хотя ни один из подозреваемых не был Чеченцем. Согласно сообщениям, к лету 2003-го года, пятеро из них были мертвы, двое были на свободе, и судебный процесс ещё двоих был назначен на Октябрь. Как адвокат Татьяны Морозовой, Трепашкин собирался присутствовать в суде и представить эскиз Романовича как улику для оправдания.

Он принял дополнительную предосторожность. Перед началом суда, встретился с Игорем Корольковым, журналистом независимого журнала Московские Новости и в деталях описал отношение Романовича к делу.

«Он сказал, 'если они до меня доберутся, хотя бы все будут знать почему,'» Корольков разьяснил. «Он был напуган и напряжён, потому что я думал он уже знал, что за ним идут.»

Конечно же, через короткое время после встречи с Корольковым, власти забрали Трепашкина. Пока он находился под арестом, ФСБ ещё раз провела обыск в его квартире, на этот раз при помощи целого автобуса агентов. Я понимаю что для соседей это было очень увлекательно,» сказал Трепашкин смеясь, «самое большое происшествие здесь за долгое время.»

Они его задержали по старой запасной причине ФСБ – владение оружием без лицензии – но судья, очевидно знакомый с этим клише, сразу же отверг обвинения. Прокуроры тогда вернулись к обвинениям Трепашкина, которые рассматривались еще со времени предыдущего обыска, за два года до этого, хранение секретных документов, которые, он утверждает, ему подложили. Этого было не много, но достаточно. После закрытого суда, Трепашкина приговорили к четырём годам тюрьмы за неправильное обращение с классифицированным материалом и отослали в тюремный лагерь на Урал.

В его отсутствии, двоих мужчин, которых судили за взрывы жилых домов, обвинили и приговорили к пожизненному заключению. Объявляя дело официально закрытым, правительство приказало ФСБ запечатать все следственные материалы по делу на следующие семьдесят пять лет.

Мой последний вопрос к Михаилу Трепашкину был, в какой-то степени бессмысленным.

Мы стояли на тротуаре около его корпуса, и я его спросил, если, смотреть на ход его жизни за последние пятнадцать лет, изменил ли он что-нибудь.

Вопрос был бессмысленным, потому что люди в ситуации Трепашкина, которые боролись с властями и проиграли, почти без исключения скажут, нет: в поисках правосудия, свободы, или в стремлении изменить общества к лучшему, они объясняют, они бы сделали всё так же заново. Люди в таких ситуациях говорят это себе, чтобы дать значение своим мучениям.

Вместо этого, Трепашкин издал короткий смешок и улыбнулся, как умеет только он.

«Да,» сказал он, «я бы много чего изменил. Сейчас я вижу, что доверчивость один из моих недостатков. Я всегда думал, что не сама система, а только несколько людей создают проблемы. Даже когда я был в тюрьме, я никогда не верил, что Путин мог на самом деле стоять за этим. Я всегда думал что, как только он узнает, меня немедленно выпустят.» Трепашкин прекратил улыбаться и пожал широкими плечами. «Так, я догадываюсь, определённая наивность привела меня к ошибкам.»

Я не был полностью в этом уверен. Я подозревал что его «недостаток», помимо наивности, заключался на самом деле в старинном – если даже не в средневековом – чувстве преданности. Во время нашей первой встречи, Трепашкин дал мне копию своего резюме, которое состояло из шестнадцати страниц, и первое что ударило мне в глаза, было то, как он выделил свои многочисленные награды и похвалы за все годы службы государству: как специалист морского флота, как офицер КГБ, как следователь ФСБ. Как бы необычно или старомодно это не было, он верил по-настоящему. Как ещё можно объяснить годы, который он провел как верный своему долгу следователь, тщательно строя дела против организованных синдикатов или продажных чиновников, и в то же время упорно отрицая признание того, что в новой России, сами воры всем и заправляли?

Конечно же, это чувство неизменной преданности и парализовало Трепашкина, оно же и предотвратило его от познания своих «ошибок», от возможности изменить свою жизнь и встать подальше от неприятностей. Что касается нашего перемещения из квартиры Трепашкина на улицу, то даже это было хорошим свидетельством его упрямства, его жена вернулась раньше чем мы думали, и узнав что ее муж разговаривает с западным журналистом была так

разгневана, что немедленно выгнала нас на улицу.

«Ну, что поделаешь?» прошептал Трепашкин, когда мы уходили, будто он не мог ничего предпринять.

Но возможно резкости его жены тогда – 25-го Сентября – была другая причина. В тот день, Трепашкин собирался идти на Пушкинскую Площадь, чтобы встретиться с небольшой группой сторонников, где в 6 часов они бы провели демонстрацию с требованием нового следствия взрывов. «Тебе тоже следует прийти», сказал он со своей обычной улыбкой. «Может интересно будет».

За пять лет, с того времени когда Трепашкина посадили, в России произошло много перемен – и ни одна из них не была особо благоприятной для человека в его ситуации. В Марте 2004-го года, Владимира Путина избрали на второй срок президентства с 71-им процентом голосов, и он распорядился более жестко ограничить политическую свободу и свободу слова. В Октябре 2006-го года, в лифте своего дома, застрелили Анну Политковскую, ведущую журналистку России, которая в значительной степени писала о тёмных связях между ФСБ и Чеченскими «террористами». На следующий месяц, пришла очередь удалить Александра Литвиненко.

И возможно самое большое расстройство – Русский народ в этом не видел больших причин для беспокойства. Наоборот, с экономикой, процветающей за счёт потока нефтедолларов, большинство были довольны образом Путина как сильного человека, и его всё более и более воинственным расположением духа по отношению к окружающему миру, передававшему дуновение возвратившейся сверхдержавы.

Этот образ был подходяще заснят в Мае 2008-го года, когда Путин, которому конституция запрещает избираться президентом на третий срок (хотя он остался в кабинете в роли премьер министра), официально передал вожжи своему лично выбранному наследнику, Дмитрию Медведеву. На этот случай, оба из них были в похожих черных куртках, Медведев в джинсах, важно проходя через Красную Площадь, они выглядели не как главы государства а скорей как пара гангстеров. Даже свирепое вторжение России в Грузию в Августе 2008-го года, акт, который был единогласно осуждён на Западе, породило новую вспышку в Русской национальной гордости, новый взлёт популярности Путина.

Может тогда и не удивительно, что митинг на Пушкинской Площади в тот вечер был довольно жалким зрелищем. Помимо Трепашкина и его самых близких помощников, присутствовало, может тридцать человек. Многие из них старики, которые потеряли родственников при взрывах, они, молча, стояли на тротуаре, держа в руках плакаты или выцветшие фотографии своих погибших. Этот небольшой кружок стоял под надзором восьми милиционеров в форме – и скорее всего нескольких других в гражданском, – но это казалось совсем не обязательно. Из огромных толп проходящих мимо в час пик, мало кто дважды посмотрел на протестующих.

Глядя на Трепашкина в тот вечер, казалось, что может существовать другое объяснение вопросу, почему он ещё был жив, а люди как Литвиненко и Политковская были мертвы. От части, без сомнения, потому что Трепашкин старался не показывать указательным пальцем прямо на Путина, или на кого-либо ещё в связи со взрывами домов. Это подходит его складу ума, как криминальный следователь: ты только обвиняешь на основании фактов, то, что можно узнать и проверить.

И конечно же другая часть причины заключается в его одностороннем сосредоточии на взрывах домов, в том, что он относиться к этому делу с тем же упорством с каким он отнёсся к делу грабежа банка Солди. В этом и состояла проблема Литвиненко и Политковской: они обвинили столько членов правящего круга России, что обеспечили безопасность своих врагов их количеством. Для Трепашкина, кроме взорванных домов, больше ничего не существовало, и если бы его убили, вся Россия бы знала почему.

Ирония судьбы, состоит в том, что чем дальше он двигает это дело, чем больше он требует публичного расследования, Тrepашкин может, движет себя ближе и ближе к уничтожению. Пока люди стоящие за взрывами уверены, что они выиграли, или хотя бы что они достаточно захоронили прошлое, он в относительной безопасности. Когда люди начнут брать его листовки, тогда опасность возрастет.

Этот день возможно быстро приближается. В ходе экономического кризиса прошлого года немногие страны пострадали больше России, и почти каждый день приносит новые народные протесты: против олигархов, против политики, и всё больше против самого Путина. Сейчас уже может, осталось недолго, когда Русский народ спросит себя, как это всё началось и вспомнит ужасные происшествия Сентября 1999-го года.

Но тот вечер на Пушкинской Площади не стал таким днём. В тот вечер толпы ещё по-настоящему верили в возрождение России, торопясь мимо Тrepашкина к метро и домой, торопясь к светлому, блестящему будущему, которое пообещал им их правитель.

СКОТТ АНДЕРСОН журналист и автор, который передавал из горячих точек по всему миру